

ЗА КАЖДЫЙ СВОЙ ШАГ...

ПОМНЮ, в 1958 году вышла из печати очередная, июльская книжка, а точнее тетрадка, журнала «Юность» в яркой, цвета травы обложке. Журнал тогда уже существовал три года, но этот номер оказался знаменательным.

В нем были произведения людей молодых, никогда не печатавшихся, дотоле никому не известных. Молодость их была не условной (до сорока, а то и больше лет, как сейчас), а буквальной. Номер этот, придуманный и составленный Катаевым, замечательным, постоянно искавшим художественной свежести и обновления редактором журнала, не был дежурным «номером молодых». В нем явно прозвучал голос нового литературного поколения.

То было поколение двадцати-, двадцатипятилетних, помнящих войну памятью детства, принявших на свои плечи тяготы послевоенной жизни, поколение с недетским детством, может быть, потому особенно чувствующее счастье, боль, драматизм каждого дня жизни...

Напечататься там посчастливилось и мне с рассказом «Станция первой любви»... Хорошо, что был и есть Валентин Катаев, хорошо, что в подвальчике дома в Лаврушинском переулке, на Первом московском совещании молодых писателей, услышал я заинтересованный голос Юрия Нагибина, хорошо, что судьба одарила меня встречей с Юрием Бондаревым, позднее с Юрием Трифоновым. Другие встретили на своем пути Твардовского и Смелякова, Павла Нилина и Сергея Антонова, Степана Злобина и Николая Атарова. Не было тогда поблажек и одновременно снисходительности — «еще молодые», не было чрезмерной интенсивности, а иногда и «переорганизованности» в семинарах, секциях, совещаниях, не было и чуть иждивенческого и, одновременно, требовательного: «Мы — молодые, а потому дайте место в литературе, хотя бы за возраст, остальное как-нибудь приложится».

Было труднее, а может быть, и легче. Труднее потому, что механизм организационной ра-

боты с творческой молодежью не был так отлажен, как сейчас, изданий и журналов было значительно меньше, не выходила еще «Литературная учебная», не было регулярных сборников «Молодой гвардии», альманахов, серийных первых книжек. Мы печатались рядом со старшими. В этом были свои неудобства, но и был свой выигрыш... соревнование...

Поколение, отделенное от нас десятью—пятнадцатью годами, юноши «сороковых-роковых», дало мощную плеяду. Это были писатели, для которых война стала школой и судьбой, мерилом человеческих нравственных возможностей. На устах у нас были «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» Ю. Бондарева, «Пядь земли» Г. Бакланова, «Иван» В. Богомолова, «Альпийская баллада» В. Быкова, чуть позднее — военные повести М. Алексеева, А. Ананьева. Говорю только о прозе. Да и «стариков», классиков отечественной литературы, современников Чехова, Бунина, Горького, а то и Толстого, можно было услышать, они вели еще семинары в Литинституте.

Движение жизни, однако, неостановимо, шаги даже за спиной мастеров могут быть легкими только метафорически, и вот уже вчерашние ученики способны становлению тех, кто сегодня идет в литературу, тех, кто отражает в слове единственность и неповторимость своего личного опыта, соединенного незримыми чертами с опытом поколений. В их сочинениях видишь и черты преемственности, связи, а иногда и повтора того, что было сделано раньше но замечаешь в лучших работах и черты новизны, другого, может быть, неизвестного нам подхода к людям и явлениям, материала, который нами не осваивался. Думаю, что это штрихи, подступ к книге, которая с наибольшей остротой и точностью выразит социально-художественный опыт молодых писателей, вступивших в литературу в последние годы.

ВОТ УЖЕ ряд лет я веду семинар прозы в Литературном институте. Здесь особенно явно чувствуешь мучительность литературного искусства, поиска предельной силы самовы-

ражения, и, наоборот, кажущуюся легкой возможностью гладко и обкатанно, в меру бойко и профессионально, написать то, что уже было много раз написано тем же самым, многократно повторенным способом. К счастью, в потоке как бы романов, как бы повестей и как бы рассказов, сочинений, в которых идет вялое движение псевдожизни, вдруг встречаешь рукопись, несущую на себе печать творческой индивидуальности. Должен сказать, что судьба этих индивидуальностей далеко не всегда складывается так, как хотелось бы. Речь идет не о легкости, не о скорости вхождения в литературу. Нет. Важно; чтобы мы — писатели, издатели, те, кто так или иначе связан с литературной молодежью, умели поддержать начинающих писателей с «лица необщим выраженьем». Ведь куда как проще напечатать, ничем не рискуя, что-то знакомое, банальное, чем угловатое, резкое, непохожее...

Ко мне в семинар несколько лет назад пришел Владимир Курносенко. Он был старше других студентов, хирург, недавно закончивший клинику ординатуры в Челябинском медицинском институте. От него ждали рассказа о современниках, о врачах, а он написал... рассказ «Римляне», в котором воспринял эпоху Нерона, «Гретхен» — о детстве, поиске вечной любви, драматизме, даже трагизме первых разочарований, о том, что жизнь оказывается не той, что обещала вначале, но мужество предания есть вера в ее вечный свет.

В его рассказах о детстве явно слышался отзвук чувств моего поколения. Так, в рассказе, написанном от первого лица, как это любил делать некогда мы, перед удивленными глазами рассказчика возникает учитель Борий Меич, Викторий Еремеевич, в синем кителе без погон, а ноги у него «все сшиты из маленьких кусочков — так его в войну изувечили». Учитель отдает свою любовь неуклюжему, некрасивому Шаховалову. Выбирает он его за талант, который он, учитель, в нем угадал. Небольшой рассказ обрадовал меня отсутствием морализации. Нравственная сверхзадача и авторское отношение не пересказывались и не деклариро-

вались, были упрятаны в текст, в диалог, в жест, в психологию. В рассказе была жизнь, и она держала читателя, заставляла его задумываться, а не следовать авторским рацеям. Да, жизнь сложная, с детским невением и взрослыми неожиданными открытиями. В ней многое соединилось, перепуталось, сплелось, как это бывает в жизни, именно в жизни, а не в расхожей беллетристике.

И все же этому сочинению не хватало чего-то, оно было написано как бы со слишком близкой дистанции. Дневник отношений, поступков, в котором много точных наблюдений, но есть еще только намеки на становление судьбы, на борьбу человека с самим собой за правду и подлинность внутри самого себя.

Наконец, Курносенко написал рассказ о врачах. Он назывался «Побег». В нем было все, что положено в прозе о медиках: самоотверженность и ошибки, жестокость больничных будней, страстная мольба жены умирающего: «Вы мне его хоть каким... Хоть инвалидом...» И все-таки чем-то этот рассказ выделялся, как бы выпадал из потока. В нем слышалась исповедь души честной, матушей, еще не примирившейся с тем, что смерть неизбежна, каждый день ощущающей хрупкость, незащищенность человеческой жизни, и каждый день пытающейся ее спасти.

Исповедальная проза... Есть исповедь и есть подмена исповеди зрящим самокопанием мелкой, ординарной души. Если автор поднимается до подлинного самовыражения, если в нем есть страсть, искренность, если он страдал, размышлял, действовал, а значит, ему есть что сказать о себе, и если он нашел этот способ, как сказать о себе, то такая проза становится исповедальной в лучшем смысле этого слова, исповедальной в давних традициях русской литературы. Важна способность оценивать не только других, но и самого себя, вершить суд над собой всегда труднее, чем над другими, но способность к этому есть свойство нравственно сформировавшейся личности. Именно личность интересна в литературе.

Ощущение глубокой нравственной ответственности за каж-

дый свой шаг чувствуешь сегодня в наиболее интересных работах молодых писателей.

Сергей Марков — еще один молодой писатель, за творчеством которого я слежу вот уже несколько лет. Его биография не похожа на биографию Курносенко. Москвич, окончил десятилетку, затем армия, потом университет, журналистская работа, множество поездок по стране.

Что же из всего этого вошло в первую книгу «Мечтаю быть»? А вошла деревня на Волге, где проходило его детство, его каникулы, его взросление, мир, открывшийся ему как бы в первый раз и одновременно знакомый, со странными видениями, с детскими снами. «...И кажется Максиму, что и луну и тучи, и две-три острые звездочки в промежутках он видел уже такими. И так же стоял на крыльце, засунув руки в карманы курточек, и смотрел, и слушал, как поскрипывают сосны... Снова стучит где-то электричка — и это было».

Лирическое осмысление детства имеет и свою прелесть, и свою ограниченность. Воспоминательная, элегическая интонация иногда завораживает, а иной раз и укачивает. Ряд живых наблюдений подменяют острые социальные конфликты современности, взрослой жизни. Это ощутимо и в некоторых рассказах Сергея Маркова. И молодой автор сам чувствует это. В рассказ «Татьянин день», один из лучших в сборнике, он вносит нотку тревоги, неудовлетворенности тем, как жил герой. Фронтное прошлое родителей, печаль утрат подталкивают к новому пониманию будущего и, самое главное — своего реального участия в судьбах других, во всем том, что вершится и в твоём поселке, и на всей твоей родной земле.

Преемственность поколений выражается в общности идей, помыслов, духовных идеалов. И молодые писатели не спрямяют, не упрощают этот процесс. Они через мировосприятие лирического героя, через его самопознание, готовность не только к рефлексии, но и к поступку, выходят к другой теме, которую можно сформулировать — ты и общество, ты и другие.

Эту же тему в своем необычном, неожиданном ключе

решает молодой писатель Юрий Вяземский. Я тоже знаю его первые шаги в литературе, первые опусы. Передо мной сейчас его первая книга «Шут». Это необычная книжка. Автор попытался, и не без успеха, сформулировать, художественно типизировать часто встречающиеся в обществе, наблюдаемые в жизни характеры.

Шут в детском коллективе, в котором он существует, не может быть до конца собой. Он должен заглушать свою ярость, свое негодование. Но это не значит, что он смирился со всем этим. «Утратив контроль над собой, он перестал бы быть Шутом, и не только не сумел бы заступиться за других, но и сам бы стал уязвимым... Но какого труда, напряжения воли в моменты приступов ярости, стоила Шуту его выдержка». Подчеркнем фразу — «заступиться за других».

Шут — человек слабый, скорее физически, чем нравственно, но физическая сила, особенно в детстве, есть опора и моральной силы. Это повесть о том, как труден и извилист путь к себе, она в чем-то сродни известной повести Владимира Железникова «Чучело». В ней говорится о том, что детству особенно противопоказаны жестокость, коварство, ложь, но они порой закладываются в детский характер, калеча затем судьбу надолго.

Нравственный идеал Вяземского не в поведении его героя, а в самом взгляде, в сверхзадаче, которую поставил автор. Его позиция беспощадна к лицемерию, воинствующей бездумности, бездуховности, но выражена она не впрямую, тонко, без всякой дидактики.

ВРЕМЯ, в которое мы входили в литературу, было бурным. Думаю, что время, в которое входят в литературу сегодняшние молодые, еще более интересно и творчески перспективно. Это время серьезной нравственной самооценки, выявления в обществе и в человеке скрытых или нераскрытых до конца духовных резервов. Сама сегодняшняя действительность не укладывается в стереотипы, протестует против общих и размытых слов. И каждый из нас должен помнить и понимать, что «цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех»...

Владимир АМЛИНСКИЙ.